

Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания (заметки участника конференции)

О. В. ВЫШЕГОРОДЦЕВА

19–20 апреля 2004 г. состоялась международная конференция «Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания», посвященная 125-летию известного русского философа Г. Г. Шпета (1879–1937). Инициаторами и организаторами этой конференции выступили кафедра философии Московского педагогического государственного университета и редакция журнала «Вопросы философии». В конференции приняли участие специалисты из различных научных центров России (Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока) и дальнего зарубежья (Франции, ФРГ). Среди гостей конференции: дочь философа М. Г. Шторх, его внучка Е. В. Пастернак и другие родственники.

Празднование юбилеев классиков философской мысли – добрая традиция в философском сообществе и формальный повод заново, с новыми вопросами и новыми интерпретациями, обратиться к их идейному наследию. Акцент при этом может быть сделан на новациях в историко-философской реконструкции либо на проблемной актуализации идей юбиляра. Организаторы конференции избрали второй путь как более плодотворный. А вставший на этот путь неизбежно сталкивается с необходимостью отделить «мертвое» от «живого»: устаревшее от теоретически действенного и эвристически ценного в интеллектуальном наследию философа.

В фокусе этих заметок – вопрос эпистемолога, ищущего интеллектуальное союзничество в истории: что же современная философия науки и гуманитаристика в целом могут почерпнуть из размышлений Шпета и его споров с современниками, принадлежащих к философскому и культурному контексту вековой давности?

Теоретическое союзничество есть только декларация общности позиций, но тогда, когда один из союзников – представитель серьезной традиции и обладатель мощной аргументации, это сильный союзник. Шпет – наш союзник в отношении *проблемы рациональности и рационализма*, когда-то столь бурно обсуждавшейся в философии. Очевидно, что в настоящий момент эта проблема приобрела, скорее,

статус мировоззренческого кредо. Как это ни странно, но отечественному философу в нынешние времена иногда требуется мужество открыто объявить себя рационалистом, настолько теоретически размытой и неопределенной стала доктрина рационализма в XX в., кроме того, подвергшись серьезной теоретической, а подчас и этической коррупции. В ряде докладов (Л. А. Микешинной «Густав Шпет и современная философия науки», Б. И. Пружинина «Научно-философские идеи Шпета: проблема демаркации научного знания», В.Н. Поруца «Спор о рационализме: Эд. Гуссерль – Л. Шестов – Г. Шпет») прозвучала мысль о том, что современная ситуация в философии и гуманитарном знании требует возвращения рационалистического подхода и уважительного отношения к науке. Именно «реформированный рационализм» Шпета, учитывающий историчность научного знания, его социальность и укорененность в жизненном мире, может стать альтернативой постмодернистскому стилю мышления в философии гуманитарного знания. Тем более что сходные тенденции набирают силу в западной философской мысли (например, в универсальной прагматике К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса).

В обсуждениях на конференции речь шла об актуальности совпадения наших сегодняшних теоретических запросов и позиции Шпета. Поэтому главный интерес конференции для меня как эпистемолога заключался в выявлении узловых точек схождения шпетовских методологических идей и проблем современной гуманитаристики: может ли герменевтическая феноменология в версии Шпета в каком-либо отношении быть путеводной нитью в решении проблем современной философии социогуманитарного знания?

С идеей феноменологического метода в эпистемологию гуманитаристики на равных правах с методологией входит онтология знания. Участники конференции обозначили целый комплекс проблем, возникающих на пересечении феноменологии и герменевтики: проблемы соотношения онтологии и психологии, онтологии и логики, онтологии, логики и методологии, психологии и истории, философии и герменевтики. Феноменологическая онтология – практически terra incognita для отечественного методолога социальных и гуманитарных наук, равно как и для англосаксонского представителя аналитической философии истории. Сложившуюся ситуацию удачно охарактеризовал Б.И. Пружинин в заключительном слове в первый день конференции: «Дело в том, когда я, «теоретический философ», занимавшийся всю жизнь гносеологией, вдруг понял и произнес для себя слово «онтология», я, честно говоря, сам себя испугался. Это «греховное» слово для гносеолога, это недопустимо. Потом стал, как в рассказе Зощенко, привыкать, слово это поглаживать».

Идея онтологии гуманитарной науки позволяет изменить ракурс почтенных (ибо им уже более ста лет) методологических рассуждений о специфике гуманитарного знания, родовой чертой которых стала теоретическая безрезультатность. Тонкая, практически ювелирная философская работа Шпета с понятиями онтологии, логики и методологии, их четкое разграничение, отмеченное в докладе Б. И. Пружи-

нина, открывает перспективы нетривиального решения вопроса о специфике социогуманитарных наук.

Проблема предметных оснований, или основного знания наук о духе, возникшая в начале века в связи с потребностью противостояния тенденциям натуралистического сведения научной практики социогуманитарных дисциплин к естественнонаучным образцам, составляет предмет спора Шпета с Дильтеем, получившего отображение в докладе Н.С. Плотникова «Антропология и история. К рецепции В. Дильтея Г. Шпетом». Предметная специфика наук должна обосновать их методологическую несхожесть с естествознанием. Речь идет о способах выявления предметных данностей как базовых достоверностей: переживании как психологической процедуре у Дильтея или интеллектуальной интуиции как непсихологическом, «чистом», приеме у Шпета. Так что это еще и вопрос об обосновательном фундаменте социогуманитарных наук. И здесь нас поджидает ловушка «трилеммы Мюнхгаузена», которую пытается обойти феноменолог Шпет. Н. С. Плотников очень точно формулирует вопрос: «Как интуитивное описание может быть реализовано в виде знания?». Вопрос о фундаменте знания в философии науки в целом и в гуманитаристике, в частности, не умер вместе с приходом антифундационализма. Историческая наука, литературоведение и пр. все еще желают выбраться из «тюрмы языка» на привольные просторы опыта. Но как это возможно?

Как онтология знания может быть не-дискурсивной, не-логической, никак не идентифицированной теорией, но при этом выраженной в слове? Для Шпета не существовало проблемы «тюрмы языка». Слово казалось освободителем из «одиночки» опыта. По Шпету, слово может быть «нелогическим» знаком вещи. Метафора, метонимия, троп, образ – таковы не-дискурсивные знаки. Удивительным образом Шпет, выстраивая как будто бы несбыточный проект чистого основания знания, предугадывает результаты исследований современной когнитивистики о наличии до-дискурсивных слоев человеческого мышления, связанных с воображением, воплощающихся, прежде всего, в метафоре и обладающих особой логикой, отличной от формальной. По сути дела, Выготский и Шпет, споря о соотношении мысли и слова (доклад В.П. Зинченко «Мысль и Слово: подходы Выготского и Шпета»), предвосхитили современную теорию прототипа как естественной формы классификации объектов, исходящей из иных принципов, нежели формальная логика, более того, предшествующих ей и выражающих естественный опыт человека в мире. Именно в этом опыте обнаруживают современные философы социогуманитарных наук и практикующие ученые ментальные процедуры классификации, порождающие «странные» понятия истории.

Какую роль играет герменевтика на этом этапе – этапе онтологического описания? Взгляд Шпета на познавательный статус герменевтических процедур вызвал расхождения среди участников конференции. И.М. Чубаров (доклад «Эстетические идеи Шпета») и Н.С. Плотников придерживались Шпетовой версии герменевтики как эвристики (сформулированной в работе «История как проблема логики». М., 2000), в то время как в докладе В. Л. Махлина («Тайна филологов.

Открытие Шпетом герменевтического принципа») была сделана серьезная попытка, исходя из анализа первого выпуска «Эстетических фрагментов» Шпета, показать базовую методологическую роль герменевтики в гуманитарном познании и представить работу Шпета как прозрение «в тайну филологов». Герменевтическая парадигма, открытая Шпетом и Бахтиным в России, так и не была реализована в русской философии.

Точка напряжения, связанная с соотношением онтологических и логических форм, отмечена в докладе И.А. Михайлова «Философская герменевтика: Г. Шпет, Г. Липпс, Г. Миш». Семантическая загадка соответствия произвольных логических форм формам онтологическим решается Шпетом через приписывание знаку посреднической функции между конкретно-чувственным и логическим.

Уже говорилось о перспективности мысли Шпета о различении онтологии, логики и методологии. Логика берет понятие от интуиции, превращая его в абстрактный предмет и осуществляя над ним формальные процедуры категоризации. И здесь Шпет особо настаивает на том, что «ни в какой особой логике история не нуждается» («История как проблема логики». М., 2002. С. 1081). Она оперирует наравне с другими науками общими понятиями. «Вопрос в том, нет ли специфических особенностей в устанавливаемых нами исторических общих понятиях?» (Там же. С. 1083). Различие существует не между индивидуальным и общим, а между абстрактным и конкретным.

Шпет настаивает на том, что различия наук появляются только на уровне методологии, т. е. там, где познавательные задачи соотнобразуются с различием предметных областей и решаются с помощью разных форм объяснения. Взгляд Шпета на необходимые и достаточные характеристики науки поразительно современен – перед нами новый – «мягкий» – монизм без «образца для подражания» в виде какой бы то ни было науки. Необходимое свойство науки – наличие теории, считает Шпет, т. е. объяснения. Наука обладает не одним единственным типом объяснения – объяснением через законы, а целым арсеналом объяснительных процедур. Для истории специфичным является описательное каузальное объяснение, утверждает Шпет, предвосхищая разработки аналитической философии истории второй половины XX в. «Старый» натуралистический монизм, против которого выступил Дильтей и неокантианцы, привел к тупику психологизма, и способ разрешения Шпетом проблемы специфики социогуманитарного знания можно считать более плодотворным и перспективным.

Еще одна точка на карте живого творческого наследия Шпета – вопрос об основной науке. Причем это вопрос об основной науке из наук о духе. Этому сюжету посвящен доклад Н.С. Плотникова («Антропология и история: К рецепции В. Дильтея Г. Шпетом»). Автор доклада делает основной акцент на дилемме «люди или учреждения»: являются ли предметным ядром социогуманитарных наук личность или социальный институт, действие или структура. Poleмика Шпета с Дильтеем непосредственно перекликается с теми бурными событиями, которые происходили в исторической науке во второй половине XX в. История последовательно переживала социологический, эконо-

мический и антропологический повороты, а затем и серьезный методологический кризис под натиском постмодернистской критики. Все это в настоящий момент составляет мощный импульс для осмысления структуры предметного (дисциплинарного) поля социогуманитарных наук. Вопрос о предметных границах и методологических отношениях между историей и психологией, социологией, экономикой, антропологией едва ли можно считать окончательно решенным.

Последняя проблема, на которой хотелось бы остановиться, это проблема *Я* в философии Шпета, критически проанализированная в докладе В.А. Лекторского «Эдмунд Гуссерль, Густав Шпет и проблема субъекта». Индивидуальный субъект был проблематизирован в гуманитаристике структурализмом, вслед за которым постструктурализм поддержал идею о «смерти субъекта» в социогуманитарных науках. Субъект оказался поглощенным структурами, конституирующими его содержание. Не предвосхищает ли Шпет эту доктрину в своей концепции организации? В.А. Лекторский доказывает, что без *Я*, без субъекта невозможно понимание социальной реальности. Шпет никогда не отрицал существования *Я*. Он лишь настаивал на коллективном, социальном характере *Я* и на том, что это не объяснительный принцип, а проблема. *Я* – это «социальная вещь», возникающая и функционирующая в коллективном действии и коммуникации. И здесь у Шпета снимается дихотомия «индивидуум – коллектив», равно как и довольно болезненная для социогуманитарных наук дилемма «действие – структура». Ведь коллективное сознание как субъект символических структур есть сама возможность осуществления индивидуального *Я*, которое, в свою очередь, обеспечивает своим действием само существование коллективного сознания.

Особенность данной юбилейной конференции в том, что к ее чисто теоретической составляющей добавилась или даже слилась с ней историческая и даже историко-экзистенциальная, так что становилось явственно осязаемо, как в теории «дышат почва и судьба». На мой взгляд, значение данного события выходит далеко за рамки проекта помещения идей Г. Г. Шпета в *проблемное поле современной философии гуманитаристики*. Это – «дыхание» трагической судьбы самого Г. Г. Шпета, о философском мужестве и жертвенности которого не раз говорили участники конференции, подчеркивая, что «философ в России больше, чем философ» (доклады Л. А. Микешиной, В. Н. Поруса, В.П. Зинченко В.К. Кантора, Л.В. Федоровой). Но сквозь личное просвечивает всеобщее – вопрос о судьбе отечественной философии. Для нее же, пожалуй, самой острой во времена Шпета и на настоящей момент была и остается проблема исторической и идейной идентичности, напрямую связанная со становлением и восстановлением традиций философствования, той почвы, на которой может возникнуть современная оригинальная философия в России.

Задачи, стоявшие перед русской философией в начале XX в., и трудности, с которыми сталкивались отечественные философы в эту эпоху, значимы для нас и по сей день. И в первую очередь проблема рецепции западной философской мысли. Доклады, представленные на

конференции, убедительно демонстрируют, что философские работы Г. Шпета задают образцы идейного взаимодействия «на равных» с западными и отечественными философами его времени, когда усвоение и воспроизводство ходов мысли оказывается не последним результатом знакомства с философской доктриной, а необходимым начальным условием ее критического развития. Именно таково было отношение Шпета к феноменологии (доклад В.Н. Поруса), к философии истории Дильтея (доклад Н.С. Плотникова), к психологии (доклад В.П. Зинченко). Результат такого взаимодействия русской и западной мысли – герменевтико-феноменологическая традиция философской мысли, рождавшейся в полемике Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. Так что обсуждение идей Шпета на конференции предстает не просто как актуализация, а как способ легитимизации наших сегодняшних рассуждений о проблемах философии науки и гуманитарного знания, методологического обоснования теоретических интуиций через возрождение собственной традиции. Феноменология и герменевтика оказываются, таким образом, не «заемными» подходами, применяемыми с неловкостью неопита, а Holzwege, неторными тропами, однажды хоженными русской философской и гуманитарной мыслью.

Эта мысль последовательно проводится в книге Т.Г. Щедриной «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета», презентация которой состоялась в рамках конференции. Книга, несомненно, вызовет научный интерес, так как наряду с развенчанием мифов, господствующих в работах, посвященных Шпету, в ней задействованы до сих пор неизвестные архивные материалы.

В заключение мне хотелось бы сослаться на слова Б.И. Пружинина о том, что нам следует разговаривать со Шпетом как с современником, не превращая наши размышления в апологетику юбиляра, но и не отказываясь от проблемного обсуждения идей Шпета, значимых для современной философии. Такой «разговор на равных» с Густавом Шпетом, как мне представляется, и состоялся на конференции.